

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 3-4. Год 5. Издание 1899 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 3-4. Год 5. Издание 1899 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 288 с.

ISBN 978-5-4241-6603-7

ISBN 978-5-4241-6603-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г.

Въ этомъ году, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я посвятилъ лѣто на изученіе латышскаго языка и этнографіи на самой родинѣ латышей, т. е. въ Лифляндской губ. Внѣшнія условія моей поѣздки сложились очень счастливо: съ самаго начала я поселился у одного изъ лучшихъ знатоковъ латышскаго языка — моего товарища г-на Шмидта ¹⁾. Вмѣстѣ съ нимъ мы занимались сперва изученіемъ языка по книгамъ, а потомъ изъ его усадьбы, находящейся въ Роненбургскомъ приходѣ, Вейденскаго уѣзда, отправились въ небольшое путешествіе, чтобы, такимъ образомъ, нагляднѣе представить себѣ то, что, пріобрѣтенное чтеніемъ, оставалось нерельефнымъ и смутнымъ.

Когда около ста лѣтъ тому назадъ появилась книга горячаго защитника латышей, «Die Letten» Меркеля, казалось несомнѣннымъ, что этотъ народъ подѣлъ «игомъ чужеземцевъ — нѣмецкихъ бароновъ» палъ такъ низко, превратился въ такихъ дикарей, что надъ его будущимъ развитіемъ нужно поставить крестъ. Правда, самъ Меркель, признававшій, что латыши «на многія столѣтія отстали въ развитіи», что «однимъ словомъ, латыши то, чѣмъ можетъ сдѣлаться такой народъ, въ которомъ всякую человѣчность уже в столѣтій гложетъ рабство»; — правда, несмотря на все это самъ Меркель смѣло бросалъ въ лицо дворянству слѣдующій вызовъ: «а дайте-ка латышу свободу и время понажитья да образоваться себя, такъ и онъ быстро облагородится и будетъ лучшимъ человѣкомъ, нежели большинство насъ самихъ». Однако, его слова казались даже лицамъ, сочувствовавшимъ латышамъ, восторженнымъ бредомъ фанатика свободы, а не зрѣлымъ убѣжденіемъ знатока дѣла. Но вотъ прошло всего 75 лѣтъ со времени освобожденія латышей, хотя и не такого

¹⁾ На матеріалахъ, которые мнѣ помогъ собрать г. Шмидтъ, построены все въ чемъ и этотъ «Отчетъ».

полнаго; какимъ желалъ его видѣть самъ Меркель, именно, освобожденіе безъ земли,—и теперь самъ Меркель не узналъ-бы своихъ латышей: его пророчество не только исполнилось слово въ слово, но даже превзошло всѣ его ожиданія. Полузвѣрь, забитый и озлобленный, для котораго единственнымъ счастьемъ, по словамъ Меркеля, было напиться пьянымъ, — превратился въ крестьянина столь высокаго экономическаго уровня, что только нѣкоторые уголки Баваріи да Америки, какъ говорятъ, могутъ сравняться съ нимъ. «Нѣмецкое иго» сплотило народъ въ одно цѣлое и, кромѣ этой хорошей стороны, имѣло, кажется, и другую: именно, это «иго» приучило весь латышскій народъ къ нѣмецкой тщательной и глубоко-обдуманной обработкѣ полей. Если мы прибавимъ сюда удобство торговыхъ сношеній и обязательность обученія, которой требуетъ лютеранство, намъ станутъ ясны главнѣйшія, по моему мнѣнію, причины современнаго высокаго уровня латышей.

Крѣпостное право оставило послѣ себя глубокую взаимную ненависть двухъ народностей: нѣмцевъ, которыхъ въ остзейскихъ губерніяхъ, правда, очень незначительный процентъ, и латышей.

Это одна изъ характернѣйшихъ чертъ современнаго латышскаго міровоззрѣнія, высказавшаяся обильно и въ народной словесности. Поэтому, позвольте мнѣ немного остановиться на ней. Несимпатію, ненавистью, презрѣніемъ къ нѣмцамъ полно все: сказки, пѣсни, повѣрія. Обыкновенное прозваніе чорта—*vasētis* (нѣмецъ), въ Ригѣ т. е. у нѣмцевъ—самое настоящее пребываніе всякой нечистой силы, постоянный эпитетъ слова *kunģi* (господа) есть слова: *bagi* (суровые, строгіе, жестокіе). На пѣсняхъ я останавливаюсь послѣ, когда буду говорить о любимыхъ пѣняхъ латышей въ настоящее время, а теперь я приведу одну очень характерную сказку подъ заглавіемъ: «Чортовы кони»¹⁾.

Работникъ, измученный работой, въ тому-же совершенно избитый господиномъ, усѣлся на краю канавки и грызъ омоченную слезами горбушку хлѣба. Во время ѣды онъ все сравнивалъ свою жизнь съ господской. «Вотъ», думалъ онъ: «мнѣ приходится цѣлый день быть на ногахъ, работать на полѣ съ самаго ранняго утра до поздней ночи; день-деньской таскаешь въ рукахъ тяжелый плугъ. Никто-то тебя и не спроситъ, льетъ-ли дождь, падаетъ-ли градъ, холодно-ли тебѣ или, напротивъ, тебя печетъ солнце? Знай себѣ, иди. На то, молъ, ты и родился!» и т. д. Когда онъ это говорилъ, вдругъ откуда-то появился старый, сѣдой человѣчекъ и спросилъ работника, о чемъ онъ думаетъ и почему онъ такъ огорченъ? Работникъ старался отдѣлаться отъ его вопросовъ, но старичекъ, кажется, видѣлъ его насвовъ, такъ что работнику

¹⁾ Эта сказка помѣщена въ недавно вышедшемъ сборникѣ сказокъ.

пришлось рассказать все. Тогда старичекъ сказалъ: «Ну, вотъ что: я останусь вмѣсто тебя на одинъ годъ работать на мызѣ (такъ называется имѣніе дворянина въ отличіе отъ усадьбы — шажа — имѣнія крестьянина), а ты въ это время поброди по землѣ. И если, вернувшись, ты захочешь сдѣлаться баринномъ, такъ и будешь баринномъ». Работникъ, ни мало не медля, отправился въ путь. Въ большомъ лѣсу онъ встрѣтилъ какого-то господина въ черной одеждѣ. Онъ спросилъ у работника, куда тотъ идетъ. Работникъ такъ и такъ: отпущенъ, молъ, на годъ людей посмотреть, а потомъ станетъ баринномъ. Черный отвѣчаетъ: «Что-же тебѣ бродить по пусту? Иди лучше ко мнѣ въ батраки: я за это дамъ тебѣ черезъ годъ цѣлую мѣру денегъ, такъ что ты станешь не только господинномъ, но еще и богачомъ!» Работникъ согласился и пошелъ вслѣдъ за чернымъ баринномъ, который, придя домой, повелъ его въ конюшню и показалъ ему его обязанности. Конюшня была полнехонька разными конями: одни — только кожа да кости, другіе таковы, какъ лѣтомъ рабочія лошади, наконецъ третьи — блестящіе черные жеребцы, просто заглядѣнье! Работникъ долженъ былъ каждый день сильно ударять кнутомъ каждаго коня. Сначала ему не хотѣлось бить очень сильно, но тогда вошелъ черный и далъ ему по шеѣ, говоря ему, что онъ долженъ бить такъ, чтобы жеребцы визжали, такъ, чтобы вся конюшня звенѣла. А въ конюшню каждый день приводили все новыхъ жеребцовъ, еще совсѣмъ блестящихъ. Ъсть имъ ничего не давали; только изрѣдка, когда какая-нибудь старая кляча зачахнетъ и околѣетъ, ея кости давали обгрызть другимъ. Зато кнутомъ каждый день угощали вдосталь. Однажды черный привелъ опять прекраснаго, блестящаго жеребца и привязалъ его въ стойлу. — «Этого ты не жалѣй», сказалъ онъ, обращаясь къ работнику: «этотъ и самъ здорово билъ тебя; это — твой баринъ». Работникъ убѣжалъ домой и узналъ, что на этой недѣлѣ умеръ его господинъ.

Я приведу еще начало одной пѣсни, чрезвычайно распространенной среди современныхъ латышей, впервые, насколько мнѣ извѣстно, напечатанной въ сборникѣ «Saule, sēte undaba» за 1890 годъ. Эта пѣсня поется на старый нѣмецкій мотивъ, напоминающій одну изъ арій Мефистофеля въ «Фаустѣ» Гуно:

«Если-бъ мнѣ достать тѣхъ денегъ,
 Что лежатъ на днѣ морскомъ,
 Я купилъ-бы замокъ Ригу (Riga pili)
 Вмѣстѣ съ нѣмцами его.
 Я-бы дѣлалъ съ нѣмцемъ то-же,

Что со мною дѣлалъ онъ:
Днемъ свиней пасти велѣлъ-бы,
Ночью въ ригѣ молотить».

Кончается пѣсня, наполненная всякими благопожеланіями нѣмцамъ, слѣдующимъ четверостишіемъ:

«И на угольяхъ горячихъ
Заплясалъ-бы нашъ нѣмчишка,
Онъ-бы только вверхъ подпрыгнуть,
Я-бъ раздулъ внизу огонь».

Нѣмцы, со своей стороны, относятся къ латышамъ не лучше, но ихъ мѣсть гораздо чувствительнѣе для латышей. Я говорю объ аграрномъ вопросѣ, который въ настоящее время занимаетъ всѣ умы мѣстныхъ патриотовъ. Положеніе, дѣйствительно, совсѣмъ ненормальное. Громадная часть пахотной земли до сихъ поръ принадлежитъ помѣщикамъ-нѣмцамъ, для которыхъ гораздо выгоднѣе своей земли не продавать, но отдавать ее въ аренду по произвольнымъ цѣнамъ крестьянамъ, которые волею-неволею должны соглашаться на всякія условія, такъ какъ иначе имъ некуда дѣваться. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько цифръ, относящихся къ той мѣстности, гдѣ я провелъ лѣто. Такъ, въ Роннебургскомъ приходѣ, принадлежащемъ г. фонъ-Вульффу, одинъ талеръ земли стоилъ прежде менѣе 100 рублей, но уже лѣтъ 10 тому назадъ цѣна поднялась выше 150 р. Но такъ какъ, при опредѣленіи талеровъ не считается негодная земля, напр. болото, то для помѣщика оказалось болѣе выгоднымъ продавать землю десятинами (т. е. доштеллами = $\frac{1}{3}$ десятины); такимъ образомъ, цѣна талера въ приходѣ Uexküllshof стала выше 200 рубл. Возьмемъ положеніе какой-нибудь крестьянской усадьбы, напр. усадьбы Lejas Vadzis (верстахъ въ 20 отъ Роннебурга по дорогѣ въ Смильтенъ). Прежней владѣлицѣ, г-жѣ Вандау, эта усадьба платила арендной платы 180 рублей въ годъ, и эта цѣна вовсе не считалась дешевой. Теперь эта усадьба должна платить 400 р. въ годъ. Въ подобныя этимъ условія встали и другія усадьбы. Такого контраста никто не хотѣлъ принять, но при угрозѣ, что прогонять всѣхъ, 12 крестьянъ все-таки подписались. У кого въ запасъ были деньги, тѣ года два платили аккуратно, ожидая пониженія платы; но ея не послѣдовало, и теперь всякій уплачиваетъ, сколько можетъ.

Я закончу эту замѣтку о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ народностей разсказомъ объ одномъ очень характерномъ случаѣ. Правда, я слышалъ его отъ нѣмца; въ устахъ латыша онъ получилъ бы совсѣмъ другое освѣщеніе. Вотъ въ чемъ дѣло: въ юрьевскомъ университетѣ, на богословскомъ факуль-

тетѣ, былъ одинъ латышъ, поступившій на этотъ факультетъ съ единственной цѣлью, — окончивши курсъ, сдѣлаться пасторомъ въ своемъ приходѣ и возстановлять крестьянъ противъ нѣмца—помѣщика. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что помѣщикъ подалъ однажды руку ему, но не подалъ его отцу, простому крестьянину.

Однако, каковы бы эти отношенія ни были, нельзя не признать, что современная латышская культура совершенно нѣмецко-бюргерская со всеми ея особенностями и вкусами. Обрусеніе (употребляя официальный терминъ), хотя и не встрѣчается здѣсь съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, какъ среди литовцевъ, однако подвигается не менѣе туго, и это потому, что оно наталкивается на уже давно сложившуюся, прочную культуру. Однако, ни среди простонародья, ни среди болѣе высшихъ классовъ населенія мнѣ ни разу не пришлось встрѣтиться съ какимъ-нибудь недоброжелательствомъ въ русскимъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать здѣсь нѣсколько словъ о положеніи русскаго языка въ низшихъ народныхъ школахъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій языкъ, прежде употреблявшійся для преподаванія всѣхъ предметовъ, теперь замѣненъ русскимъ, причѣмъ Законъ Божій преподается на отечественномъ языкѣ. Это, конечно, очень хорошо, такъ какъ русскій языкъ совершенно необходимъ для всякаго латыша, и, хотя успѣхи въ русскомъ языкѣ не слишкомъ велики даже въ среднѣеобразовательныхъ заведеніяхъ, тѣмъ не менѣе его необходимость чувствуется всеми и каждымъ. Но бѣда въ томъ, что русскій языкъ для маленькаго латыша, поступающаго въ приходскую школу, еще совсемъ не знакомъ, а потому изученіе всѣхъ предметовъ крайне тормозится преподаваніемъ на непонятномъ языкѣ, на изученіе котораго приходится употреблять много усилій и который лѣтомъ опять забывается. Учителя этихъ школъ, въ большинствѣ случаевъ энергичный и любимый крестьянами народъ, тоже, если я не ошибаюсь, чаще всего не слишкомъ сильны въ русскомъ языкѣ, и это еще хорошо, такъ какъ, если бы ихъ замѣнить русскими православными учителями, не понимающими по-латышски, то между учителями и учениками оказалось бы очень мало симпатій, и дѣло обученія было бы не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ напр. у литовцевъ, которые смотрятъ на школу, какъ на одно изъ средствъ для уничтоженія ихъ вѣры и языка.—Преподавать въ латышскихъ низшихъ школахъ и русскій языкъ, какъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ, вотъ, по моему мнѣнію, лучшее средство обезпечить этому языку ту популярность, на которую онъ теперь имѣетъ всѣ шансы рассчитывать. Привожу маленькій списокъ русскихъ словъ, распространенныхъ среди крестьянскаго населенія: *bika* (быкъ), *kaška* (кошка), *zabaks* (собака), *sviņa* (свинья), *retuks* (пѣтухъ), *kuriku* (курица), *vada* или

vadus (вода), masla (масло), klēba (хлѣбъ), gavediņa (мясо), čaja (чай), sakars (сахаръ), lužsa (ложка), lēss (лѣсъ), baņa (баня), veņitiņa (вѣникъ), glaznas (глаза), čarka (водка), kužņica (кузнецъ), čarna (черный), kārļa (теплый), 'kaladna (холодный), kaģaģa (хорошо), dabra (добрый) и много др. Привожу, кромѣ того, отрывокъ пѣсни, очень распространенной у латышей въ памятные имъ 40 года, время ихъ стремленія въ Россію и въ православію, замятаго нѣмецкой партіей. Вотъ этотъ отрывокъ, удѣлѣвшій въ памяти нѣкоторыхъ стариковъ:

Paigun, paigun rūsku zem,
Buska zeme dabra žit!

(Пойдемъ, пойдемъ въ русскую землю: въ русской землѣ хорошо жить!).

Я перейду теперь къ этнографической сторонѣ своихъ наблюдений. Ознакомившись съ умственнымъ и экономическимъ уровнемъ латышскихъ крестьянъ, мы поймемъ, во-первыхъ, что этнографическій матеріалъ уже въ огромной долѣ собранъ и обнародованъ, и что, во-вторыхъ, мы уже не можемъ встрѣтиться на живой почвѣ съ сильнымъ развитіемъ суевѣрій, съ продолжающимся національнымъ творчествомъ, со всѣмъ тѣмъ, что еще такъ живо въ нѣсколькихъ сѣверныхъ губерніяхъ нашего отечества. По поводу перваго, т. е. собранія и изученія этнографическаго матеріала, я скажу всего нѣсколько словъ именно только то, что общественность латышей, эта самая сильная сторона ихъ культуры, сказывается здѣсь очень сильно. «Эта общественность», говоритъ г. Владиславлевъ, авторъ интересной статьи объ аграрномъ вопросѣ въ Лифляндіи:— «эта общественность на почвѣ необыкновенно высоко развитой въ Лифляндіи грамотности способствуетъ живѣйшему распространенію сельскохозяйственныхъ примѣтъ, наблюдений, книжныхъ свѣдѣній etc». Она же сдѣлала и то, что въ быстро возникшія латышскія ученыя общества стали присылать изъ всѣхъ краевъ страны обширные сборники пѣсенъ, сказокъ и др. Безъ дружнаго энергическаго содѣйствія большинства было-бы невозможно такое огромное собраніе заговоровъ, какое далъ г. Трейландъ, такіе сборники сказокъ, какъ выходящія уже года 3—4 книжки г. Лерхиса-Пушкайтиса, наконецъ 'обширное изданіе латышскихъ пѣсенъ: «Latwju dainas», которое будетъ содержать до 170,000 пѣсенныхъ вариантовъ и уже дало нѣсколько выпусковъ. Что касается изученія этого матеріала, то уровень его еще далеко не достигъ той высоты, на которой стоятъ изданія сборниковъ. Только незначительная часть прессы (напр. газеты Dēnas Lapa, Majas Vēsis) не увлекается грезами о существовавшей когда-то необыкновенно богатой миеологіи балтійскихъ народовъ, сочинительствомъ новыхъ боговъ и миеологическихъ пѣсенъ, перечисленіемъ древнихъ рунъ и именъ Криве-Кривейто... Впрочемъ, въ самыя массы

народныя эта quasi-ученая дѣятельность почти не проникаетъ. Несмотря на внижное возрожденіе мнѳологій, неизбежное у юнаго, патриотически настроеннаго народа, самъ народъ все болѣе и болѣе забываетъ старыя обычаи, старыя костюмы и старыя пѣсни. Кое-гдѣ еще напр. помнятъ, что въ комнатахъ новобрачныхъ ставится хлѣбъ, но уже не понимаютъ, для чего это дѣлается. Или, мнѳическое существо, связанное съ урожаемъ хлѣба, *Lėtuvenis*, по словамъ одного малограмотнаго старика, не болѣе, какъ кошмаръ; *Л а й м а*, олицетвореніе судьбы, опять-таки получила совершенно отвлеченный образъ. Только празднованіе Ивановой ночи со своими пѣснями: «*ligo*», собираніемъ цѣлебныхъ травъ, играми и ликованіемъ до утра, обсыпаніемъ цвѣтами хозина дома—только оно еще сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ. Воскличаніе: «*Лиго*»!, которымъ ованчивается каждая строчка пѣсни, теперь утѣряло свое значеніе и служитъ предметомъ безчисленныхъ догадокъ, начиная съ того, что «*Лиго*» признается за обращеніе къ несуществующему теперь божееству (и неизвѣстному по историческимъ, даннымъ), и кончая возможнымъ предположеніемъ, что «*Лиго*» просто мольба, обращенная въ солнцу, въ значеніи: «качаясь, играй»! Но это объясненіе роднитъ слово «*Лиго*» съ литовскимъ *ling ūti*, тогда какъ и въ литовскомъ празднествѣ извѣстенъ рефренъ: *ligo*¹⁾. Если литовцы не заимствовали этого слова отъ латышей, то мы должны искать для него другого корня. Если мы вспомнимъ о цѣлительномъ значеніи травъ, собираемыхъ этою ночью, и вообще объ ея испѣляющемъ вліяніи, и сопоставимъ корень: *lig* съ кельтскимъ *leagi* (врачъ;— глагольный корень обозначаетъ заговоры, наговоры etc.), готскимъ *lėkinon* и *leqeis* (откуда слав. лѣчить), то мы, можетъ быть, согласимся въ припѣвѣ: «*Лиго*» видѣть воззваніе: «исцѣли, уврачуй, очисти!» Можетъ быть именно такое цѣлительное дѣйствіе празднованія Ивановой ночи и сохранило этотъ глубокопоэтический обычай до сихъ поръ. Я видѣлъ дряхлую старуху, которая пѣла «ивановскія» пѣсни съ какимъ-то религиознымъ экстазомъ, но молодежь забываетъ и профанируетъ старыя обычаи. Въ мѣстахъ болѣе культурныхъ остались отъ него только жалкіе слѣды усиленнаго пьянства въ этотъ день.

Перейдемъ теперь къ пѣснѣ. Латыши, какъ и литовцы, очень любятъ музыку: во всѣхъ, сколько-нибудь интеллигентныхъ домахъ, я видѣлъ пианино. Тѣмъ болѣе распространено пѣнье. Есть множество пѣснѣ, извѣстныхъ и каждому, но это и немудрено, если мы вспомнимъ, что всѣ дѣти учатся въ школахъ пѣть, что во всякомъ приходѣ существуетъ по нѣскольку пѣвческихъ обществъ, устраивающихъ ежегодно такъ называемыя пѣвческія праздники (*dzēdašanas svetki*), что весь народъ читаетъ газеты и книги.

¹⁾ См. статью Беценбергера «*D. Iohannisfest d. Littauer*».

Латышская пѣсня совсѣмъ интернаціональна. На первомъ мѣстѣ нужно поставить латышскій національный гимнъ: «Dēvs sveti Baltiju» (Боже, храни Балтiю), пѣсню, несомнѣнно, искусственнаго происхожденiя. Изъ множества широко распространенныхъ народныхъ пѣсень я упомяну только о нѣкоторыхъ. Очень красива по мелодiи, хотя малосодержательна, пѣсня: «Rīga dimd!»! Вотъ ея слова: «Рига гудитъ, Рига гудитъ. Отчего Рига гудитъ! Это—куютъ ящикъ для приданаго дѣвушкѣ, у которой три брата. Дядя по отцу куегъ ящикъ, дядя по матери замочегъ и т. д.» Что касается внѣшней формы современной латышской народной пѣсни, то четверостишiя, составляющiя ея старую форму, иногда совершенно сходны съ четверостишiями литовской пѣсни и порою представляющiя черты глубокой древности,—эти четверостишiя теперь складываются въ длинныя пѣсни. Слѣдовательно, здѣсь произошелъ тотъ же процессъ, который, по моему мнѣнiю, можно указать и въ литовской народной поэзи. Именно, отдѣльныя мѣста, имѣвшiя свой, законченный смыслъ или поражавшiя своею красотой или мѣткостью, могли отдѣлиться отъ контекста пѣсни и получить самостоятельное значенiе. Въ то же время существовали исконныя четверостишiя, которыя теперь могли входить въ длинныя пѣсни подобно тому, какъ и длинныя пѣсни могли выдѣлять изъ себя отдѣльныя четверостишiя. Этимъ, мнѣ кажется, можно объяснить букввальное совпаденiе многихъ четверостишiй латышскихъ съ литовскими.

Однако возвращаюсь въ распространеннѣйшимъ пѣснямъ. Пѣсня искусственная теперь болѣе понятна и интересна народу, чѣмъ уже слишкомъ безыскусственная старая народная. Изъ quasi—народныхъ русскихъ пѣсень была очень извѣстна мелодiя пѣсни: «Въ темномъ лѣсѣ», но съ другими словами; затѣмъ очень любимы пѣсни: «Вотъ ѣдетъ тройка удалая!» и «Бѣлоличка—круглоличка». Пѣсни нѣмецкаго происхожденiя очень многочисленны, что вполне понятно при томъ множествѣ нѣмецкаго пришлаго народа, который вращался около бароновъ. Изъ новѣйшихъ пѣсень болѣе образованными классами съ увлеченiемъ поется Гейневская Лорелея (Ich weiss nicht, was soll es bedeuten), конечно, въ латышскомъ переводѣ. Наконецъ, очень распространены и нѣкоторыя пѣсни національныхъ латышскихъ поэтовъ.

Латышскій народъ еще очень молодъ, въ культурѣ мы наталкиваемся на нѣсколько отрицательныхъ сторонъ, свойственныхъ всякому незрѣлому молодому народу; но онъ быстро идетъ впередъ, быстро зрѣетъ и, полный любви къ своей родинѣ, энергiи и силы, проникнутый самосознанiемъ и крѣпкiй своею общественностью, латышскій народъ не далекъ до полнаго развитiя своихъ внутреннихъ силъ.

А. Погдинъ.

Литовцы и русскій алфавитъ.

Въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи о литовцахъ, объ алфавитѣ для литовскихъ книгъ и т. п.; обсуждаемые въ нихъ вопросы не новы и не впервые привлекаютъ къ себѣ вниманіе печати, интересующейся литовскою окраиною. Не смотря, однако, на давнишнее возникновеніе этихъ вопросовъ, волей-неволей приходится отмѣтить, что обсужденіе ихъ весьма мало подвинулось впередъ даже въ отношеніи фактической стороны дѣла. Причина тому заключается отчасти въ односторонности и предвзятости цѣлей, вносимыхъ въ обсужденіе предмета, отчасти въ недостаточномъ знакомствѣ съ обсуждаемымъ предметомъ. Самый поверхностный просмотръ того, что писали и пишутъ, напр., о причинахъ безуспѣшности введенія русскаго алфавита въ литовскую письменность и о послѣдствіяхъ воспрещенія литовцамъ употреблять латинскій алфавитъ, приводитъ къ убѣжденію, что лица, удѣляющія свое вниманіе этимъ вопросамъ, обсуждаютъ ихъ или на основаніи случайныхъ и отрывочныхъ наблюденій надъ жизнью литовской народности, или пользуясь весьма поверхностными свѣдѣніями, полученными тѣмъ или другимъ образомъ отъ лицъ, живущихъ среди литовцевъ. Не имѣя возможности исчерпать въ краткой замѣткѣ вопросъ объ алфавитѣ для литовскихъ книгъ и тѣсно связанныхъ съ нимъ явленіяхъ жизни литовской народности, я ограничусь лишь самыми общими замѣчаніями, желая, главнымъ образомъ, дополнить и исправить то, что писали объ этомъ вопросѣ.

Въ настоящее время можно считать стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ, что литовцы не приняли книгъ, печатанныхъ русскими буквами; книги эти или подверглись уничтоженію со стороны тѣхъ, къ кому онѣ поступили черезъ народныя училища и волостныя правленія, или лежатъ въ складахъ дирекцій народныхъ училищъ, будучи обречены на вѣчное забвеніе. Нерасположеніе литовцевъ къ изданіямъ на литовскомъ языкѣ русскими буквами объясняется тѣмъ, что они издавна употребляютъ латинскій алфавитъ; съ послѣднимъ они сроднились, онъ вошелъ въ ихъ кровь и плоть. Совершенно вѣрно замѣчаетъ корреспондентъ «Новаго Времени» (№ отъ 22 сентября 1893 г.), что «латинскія буквы, по которымъ молятся ксендзы, приняли

въ глазахъ крайне фанатическаго литовца значеніе чуть не догмата». Такая привязанность литовцевъ къ латинскому алфавиту будетъ вполне понятна намъ, если примемъ въ соображеніе, какимъ образомъ распространяется грамотность въ литовскихъ народныхъ массахъ. Въ этомъ отношеніи выдающуюся роль играетъ семья въ широкомъ смыслѣ этого слова, семья, обнимающая не только лицъ, связанныхъ узами родства, но и чужаковъ, состоящихъ въ услуженіи у хозяина, словомъ, семья въ смыслѣ союза лицъ, котораго не коснулась еще разъединяющая сила экономической эволюціи. Въ этой-то семьѣ и происходитъ обыкновенно обученіе дѣтей грамотѣ. Лицо, старшее по возрасту и умѣющее читать, въ свободное время, большею частью зимою, собираетъ вокругъ себя дѣтей, хозяйскихъ и чужихъ, находящихся въ услуженіи у хозяина, и преподаетъ имъ первые уроки грамоты. Учебникомъ служитъ обыкновенно молитвенникъ. Какъ ведется обученіе, рационально или нѣтъ, это другой вопросъ; въ данномъ случаѣ важно то, что старшія поколѣнія передаютъ свои знанія идущимъ на смѣну ихъ. Дѣти выучиваются читать, и такимъ образомъ семья замѣняетъ въ извѣстной степени настоящую школу. Этимъ способомъ распространенія грамотности объясняется и то обстоятельство, что почти каждый литовецъ умѣетъ читать, между тѣмъ какъ не умѣющие писать составляютъ весьма значительный процентъ. Отношеніе грамотныхъ по-литовски къ неграмотнымъ, предполагаемое г. корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей» (1893 г. № 259)¹⁾, весьма далеко отъ истины; если даже взять это отношеніе въ обратномъ видѣ, т. е. если предположить, что неграмотные по-литовски составляютъ болѣе трети населенія, то все-таки не будетъ выражено дѣйствительное состояніе грамотности среди литовцевъ.

Обученіе грамотѣ въ литовской семьѣ, какъ вполне естественное явленіе, представляетъ, конечно, не продуктъ послѣдняго времени, вызванный къ жизни какими-либо исключительными условіями; оно практиковалось и въ старину, задолго до воспріятія латинскаго алфавита; а такъ какъ съ давнихъ временъ въ Литвѣ обращались только молитвенники, печатанные латинскими буквами, то и обученіе грамотѣ происходило и происходитъ при помощи этихъ молитвенниковъ.

Въ виду сказаннаго, является вполне понятною привязанность литовцевъ къ латинскому алфавиту. Продолжительное употребленіе послѣдняго и, главнымъ образомъ, семейный способъ распространенія грамотности создали въ народѣ убѣжденіе, что только латинскій алфавитъ годенъ для его молитвен-

¹⁾ Корреспондентъ «Русск. Вѣд.» говоритъ, что грамотные по-литовски составляютъ болѣе трети населенія.